
СОЦИАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Какая экономика нам нужна?

Опыт концептуального анализа

Ф.В. ШЕЛОВ - КОВЕДЯЕВ

Предлагаемая вниманию читателя статья написана в манере, близкой жанру, хорошо известному на Западе, но пока не слишком популярному у современных русских авторов. Сто и более лет тому назад он назывался публицистикой, а ныне — политической философией. Статья открывает серию задуманных публикаций на избранную тему. Кроме нее планируется издание еще двух разделов единого проекта с рабочими названиями «Зачем нам экономика знаний?» и «За производство каких знаний мы отвечаем?».

Преамбула

Решимости написать данную работу именно сейчас мне добавило то, что я, с одной стороны, не намереваюсь затрагивать в ней вопросы, рассмотрение которых требует сугубо специализированных знаний. Поскольку хочу ограничиться обсуждением генеральных установок, которые уже влияют или могут еще оказать решающее воздействие на окончательный выбор доминирующего вектора совершенствования состояния России. И, по возможности, оценить их относительную (друг к другу) ценность и абсолютную продуктивность, имея в виду вышеуказанную, как близкую, так и отдаленную, перспективу. С другой — у меня сложилось стойкое убеждение, что экономика — слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее одним предпринимателям, экономистам, социологам, юристам, администраторам, депутатам и обслуживающим их достаточно разные, но в каждом отдельном случае порядком куцые интересы публицистам [ср. Шелов-Коведяев 2004].

Таковое, в свою очередь, возникло в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, в последние семьдесят лет наибольшие успехи демонстрируют построения, интегрирующие достижения различных дисциплин. Даже гуманитарии, открывшие себе их возможности чуть позднее, идут по тому же пути с 1960-х годов. На таком фоне экономисты представляют исключение. Недаром нобелевскими лауреатами в их области уже более пяти десятилетий становятся чаще всего физики и математики. Но они, как правило, решают в своих исследованиях в той или иной степени локальные задачи технического характера.

Какая экономика нам нужна?

Во-вторых, сохранив интерес к экономике с той поры, когда я в советское время готовился к экзаменам по предметам, предусматривающим знакомство с ней, не только по ортодоксальным (по тогдашним меркам) книгам, я постоянно слежу за движением идей в данной области.

В-третьих, каждый из нас своими действиями или бездействием ежедневно участвует в ее строительстве. Что предполагает как минимум сознательное отношение к ней и своему поведению в ее рамках. Следовательно, и самостоятельные суждения о ней. А если серьезно, то и ответственность всего общества в целом, а не только отдельных его представителей, и каждого его члена индивидуально за происходящее в ней. В том числе, открытое вынесение на честный суд своей позиции.

В-четвертых, современная русская (в политическом смысле) нация остро нуждается в расширении свободы. Каковая, в условиях демократии, включает в себя, в свою очередь¹, публичные дискуссии на любые общественно значимые темы с участием не только ограниченного круга профессионалов.

В-пятых, меня вдохновляют выводы такого авторитетного либерального ученого, как Ф.А. фон Хайек [*Хайек* 2003]. Из которых неопровержимо следует, что, оставшись без независимого контроля думающих о своем будущем граждан, как минимум часть экономистов способна привнести в регулярный ход мирохозяйственных процессов не меньше (чему целиком посвящена первая часть его книги [Там же, с. 29—134]) роковых возмущений, чем механистически переносящие в их сферу свои созданные в иных целях сугубо специфические методы инженеры, техники, естествоиспытатели, включая биологов, или математики (критике их пагубных упражнений для глобальной эволюции в XIX — первой трети XX в. отведен ее второй раздел [Там же, с. 137—250]).

Наконец, в-шестых, рационально неприемлема ситуация, когда прикладные решения с далеко идущими последствиями принимаются на основе *ad hoc* набранных аналогий, без попыток и при явном отсутствии интереса всех, имеющих к ним отношение, к выработке системного странового целеполагания; и зачастую сознательного отстранения от определения долгосрочного стратегического (даже при прямом наличии, как я покажу ниже, данных слов в речах и текстах) курса.

По многим качественным вопросам экономики обсуждение идет вяло, а то и замерло вообще. Отрадное исключение из общего правила находим лишь в важной постановке «если конкурентоспособность — правильная национальная цель, то политика ее достижения должна настраиваться на длительную перспективу, на десятилетия, в понимании того, что дело не в процентах роста, не в том, что завтра будет к обеду, но в глубоких изменениях менталитета, национальной культуры, судьбы народов России, в согласии на этот счет всех групп элиты» [*Ясин, Яковлев* 2004, с. 63]. Однако нашедшие ее тоже не дают на ее вызов адекватного ему ответа.

Неустойчивый консенсус имеется только по поводу самого рынка и финансовой дисциплины², с которыми, кажется, никто из значимых фигур уже

¹ Мысль общепризнанная, но сошлось все-таки на работу, специально посвященную ее развертыванию [*Сен* 2004, с. 145 (к примеру)].

² Впрочем, см. о присущих им ограничениях [*Сен* 2004, с. 25, 132].

не спорит. Замечу, что ответственность за означенную «нищету философии» возлагается совершенно беспочвенно на либеральную политику, с периода премьерства Е. Гайдара. Он обозначил концептуальный ориентир старта реформ — освобождение рынка от зарегулированности и стабилизация национальной валюты — как раз с исчерпывающей полнотой. Убежден, что на момент, когда главным было запустить рыночный механизм, этого было абсолютно достаточно.

Репертуар рутинных дебатов

Но с тех пор много воды утекло. И теперь мы вправе ожидать новых содержательных предложений. Между тем и ныне, если не считать работ, посвященных технологическому обсуждению деталей вариантов экономической политики и поведения, здесь с трудом можно найти что-либо принципиально новое и интересное.

Фактически полемика разворачивается вокруг примерно полудюжины избитых тем, за каждой из которых легко просматриваются интересы соответствующих отраслевых и региональных лоббистов. Вот они: сырьевая компонента (нефть, газ, уголь, алмазы), продукция первичной переработки (электроэнергетика, металлургия, сельское хозяйство, удобрения и т. п.), традиционные технологии (машиностроение, автопром, авиапром, химия и пр.), товары массового спроса (пищевая и легкая промышленность), высокие технологии (оборонка, космос, другие наукоемкие производства), ИКТ и сервис (включая образование и здравоохранение).

Они служат организующим стержнем для рассуждений, скажем, о поддержке экспорта, формировании доходных и расходных статей бюджета, действиях финансовых властей, направлениях стимулирования портфельных и стратегических инвестиций, развитии среднего и малого бизнеса. А также споров о приоритетности ВПК с двойными технологиями либо гражданских секторов, финансовой стабилизации и ценовой политике и т.д.

Главный вопрос — на что сделать ставку в судьбоносном рывке — формулируется при этом целиком в рамках пресловутой ленинской тезы о звене, за которое можно вытянуть всю цепь. Каковая, в свою очередь, является не чем иным, как рефлексией заимствованного из мистики Восточной Церкви учения о чуде³. Сюда, в частности, относится и пропаганда С. Глазьевым изъятия природной ренты, дорогих социальных программ и бюджета развития vs монетарного консерватизма. Одно такое смешение жанров, вряд ли уместное в прикладном поиске, должно было бы насторожить многих. Чего, увы, не происходит.

Практически все авторы, пишущие на перечисленные и смежные темы (от левых радикалов до ультралибералов), оставляют без достаточного внимания потенциал комплексного, интегрирующего подхода к их разрешению, поэтапно развертывающего и ставящего на службу единой цели частные преимущества каждого из макронаправлений экономики.

Еще хуже, что указанная специфика прений полностью замыкает нас в парадигме закрепления, расширения или отвоевания ниш лишь в сегментах

³ О последнем см., например [Лосский 1991, с. 8—20].

Какая экономика нам нужна?

мирового рынка, инициированных другими прежде нас. Даже любопытное высказывание Г. Грефа 6 апреля 2004 г. на пленарном заседании Пятой ежегодной конференции ГУ-ВШЭ, посвященной конкурентоспособности и модернизации экономики, о том, что наша страна призвана стать не только руками, но и мозгами в мировом разделении труда, по существу не выводит нас за ее пределы, поскольку его формулировка прозвучала в контексте ответа на уже сложившиеся потребности глобального рынка, а не открытия в нем новых окон возможностей.

Странно, но никого тут, похоже, особо не заботит, что названная ограниченность общего взгляда обрекает Россию на постоянное воспроизводство ею своего отставания. Мы неизбежно вынуждены будем попевать за теми, кто раньше нашего вышел со своим предложением, освоился в отвечающих ему условиях и научился обслуживать существующий спрос.

Простой здравый смысл, а тем более основы менеджмента, подсказывают, что выход из подобных обстоятельств на те позиции, к которым (насколько позволяют судить периодические заявления) все стремятся, может быть только нестандартным. Вопреки тому, приходится признать отсутствие заметного набора свежих идей.

Текущие ограничения дискуссии

Перейдя на ступень абстракций, мы и там обнаружим столь же привычный перечень сюжетов и констатации.

Речь ведется (здесь и далее буду ссылаться только на наиболее заметные явления в специальной литературе попыток оживающего характера) о восстановительном характере нынешнего экономического роста в России и причинах, породивших его затянутость, перспективах его затухания и технических альтернативах ему, качестве национальных институтов. О таких проблемах развития, как реформа здравоохранения, образования, пенсионной системы, армии, иммиграционной, валютной и курсовой политики, тупики промышленной политики [Гайдар 2004, с. 69, 90-104; ср.: Средние классы в России 2003, с. 77 ел.], обреченность нашего рынка труда в современных параметрах на масштабное привлечение иммигрантов [Гайдар 2004, с. 100]. Об изъятии природной ренты у сырьевиков и ее перераспределении в интересах прогресса просвещения, науки, охраны здоровья нации и окружающей среды [Шкаратан 2004, с. 139, 151].

Аналогичные очевидности встречаются нас и на уровне так называемой новой экономики (НЭ), охватывающей, в соответствии с действующей классификацией, области ИКТ и сервиса в самом широком смысле слова. НЭ квалифицируется как информационная экономика, отмечается, что основная масса добавочной стоимости концентрируется в звеньях рынка, опирающихся на специфические знания, что мотором экономического развития являются мозговые тресты вкуче с наукой и образованием; что возникающие в ней мягкие технологии востребуют не просто квалифицированных, но творчески мыслящих работников; что информационные технологии и интеллектуальные услуги дают более высокие темпы роста, подхлестывая динамику традиционных секторов и модернизацию старых институтов; что НЭ приоритетна для Российской Феде-

рации, поскольку инвестиции в человеческий капитал есть залог современного устойчивого развития [Кузьминов и др. 2004, с. 117, 118, 120, 121]; что ее отличают сверхкороткий, до месяцев (от замысла и исследования до внедрения) [Гохберг 2004, с. 33], цикл ее продукции и ее сетевой характер, где горизонтальные взаимосвязи ее звеньев приобретают системообразующую роль [Кузьминов и др. 2004, с. 132].

В результате догоняющая природа предлагаемой нам модели развития по инновационной схеме становится еще более очевидной. Особенно когда ученый пишет о дефектах отечественной инновационной системы и слабой ориентации науки на продуцирование прагматичных инноваций, а также приводит скромный список перспективных в нашем положении инновационных секторов и тем [Гохберг 2004, с. 36, 41, 46—52].

По существу, философия выдвигаемых рекомендаций ничем не отличается от мотивации политики индустриализации 1930-х годов. Разница наблюдается лишь с формальной стороны; в пороге, который нас зовут преодолеть, и, естественно, ориентирах.

Тогда это была тяжелая промышленность, теперь — ИКТ. Только и всего. Стимул же прописываемого поведения (а он для успеха принципиален) остался прежним.

Прикоробные изъяны наблюдаются и в исследовании структуры русского общества. Авторы наиболее фундаментального труда, анализирующего различные аспекты бытия среднего класса в России, совершенно справедливо настаивают на выборе нескольких равноправных критериев и строгих сущностных параметрах его вычленения из всего социального массива, тонких механизмах обработки данных и четких предварительных ориентирах своей деятельности. Они правильно идентифицируют робость его представителей в освоении присущих ему стиля жизни и норм потребления [Средние классы в России 2003, с. 16—17, 26, 32-35, 36, 173].

Но тут же сами придадут наличию жилья первейшее значение, выдают желаемое за действительное, сокращая число критических признаков своего объекта с четырех до трех, увлекаются расширительными трактовками [Там же, с. 30, 39—49, 58, 65, 83, 92, 99—100, 144, 188], что в конечном итоге приводит их к элементарным арифметическим ошибкам. И уж совсем наивным смотрится их ликование по поводу большей величины полученных предварительных результатов, чем у своих конкурентов [Там же, с. 89-90, 216].

Между тем уже чисто формальные соображения подсказывают, что ограничиться при оценке величины среднего класса было бы разумнее тем, что в книге названо его «ядром» (6,9 % в целом по стране, 12,9 % по городской выборке) [Там же, с. 214]. Ведь применение пяти критериев сужает его до исчезающих 2,1 % [ср. Шкаратан 2004, с. 175], а трех — раздувает до не данных нам в ощущениях 19,1 % (в среднем) и 25,2% (город: для корректности следовало бы также рассматривать Москву и Санкт-Петербург, сильно выбивающиеся из общего ряда, отдельно) [Средние классы в России 2003, с. 216].

Специфика типичных обобщений

Нельзя сказать, что в русских обществоведческих текстах напрочь отсутствуют и элементы теоретического постижения происходящего⁴. Однако, на мой взгляд, им присущи два блокирующих его плодотворность недостатка.

Во-первых, в них нет заданности на получение из отдельных фрагментов единой картины, адекватной реальному состоянию всего социума, а не отдельных его секторов.

Во-вторых, им, наоборот, свойственна явно выраженная несамостоятельность. Видимо, устав от большевистской политэкономии, наши авторы испытывают пока недоверие к любым не заимствованным от мировых лидеров идеям вообще. Не замечая, что на иной манер повторяют путь, пройденный марксистами.

Следуя западным стереотипам, они распространяют свой поиск лишь на прикладной, инструментальный уровень, погружаясь в частности и вторичные, производные смыслы действительности.

Между тем «золотой миллиард» позволяет себе углубляться в детали, полагая, что, по сравнению с остальными, он решил свои фундаментальные проблемы, что опять-таки верно только отчасти, поскольку справедливо относительно материального потребления. За что Европа и Америка дорого заплатили почти тотальным уходом из их жизни положительной духовной энергетики? На Западе сейчас всерьез занялись восстановлением продуктивной динамики, почувствовав угасание эффективности иммиграционных инъекций и уяснив себе масштаб сопутствующих им неприятностей.

Чтобы не быть голословным в моей оценке интеллектуального состояния профессионального сообщества в нашей стране, проиллюстрирую сказанное выше наиболее яркими примерами, взятыми из новейших публикаций его авторитетных представителей. В этом мне поможет Нобелевский лауреат по экономике А. Сен: будучи неонституционалистом, чьи взгляды ныне находятся в центре всеобщего внимания, он суммирует в своей книге как критику построений неоклассиков и неокейнсианцев, так и тезисы школы, к которой он принадлежит, по наиболее животрепещущим материям глобального охвата.

Абстрагируясь от мелочей, видим, что они концентрируются вокруг трех предметов: свободы; роста ВВП и монетаризма; ресурса культуры.

Сен утверждает свободу главной целью и средством развития, первичность ее принципа и выводит из него стремление к рынку, который играет применительно к рабочим рукам столь сильную роль освободителя, что даже К. Маркс признавал в свободном рынке труда ключ к прогрессу. Он идет дальше и отождествляет отсутствие рынка с дефицитом свободы, а ее деградацию считает главной причиной падения «социалистического лагеря». Следует также отметить тезис о возвращении доброй славы и имени второго автора теореме Эрроу-Дебре, которую почему-то принято понимать как оправдание диктатуры, но гласящей (в его формулировке применительно к политике) следующее — «ничью свободу нельзя расширить при одновременном сохранении прежнего объема

⁴ Среди соотечественников я адресуюсь, в основном, к авторам либерального крыла, ибо их оппоненты замыкаются в обсуждении промышленной политики, каковая в моей теме — частность.

свободы остальных» (скорее уж предупреждение против авторитаризма в пользу согласительных процедур демократии) и соображение в критику существования так называемых азиатских ценностей о том, что сомнительно трактуемая история не может быть оправданием недоброкачественной политики [Сен 2004, с. 16,133,135,137,139,273, 325-326].

Сен отказывается приравнивать развитие к росту ВВП и доходов семейств, индустриализации, техническому прогрессу и социальной модернизации [Там же, с. 21, 24]⁵. Ни финансовый консерватизм, ни равенство в распределении свобод не представляются ему ни панацеей, ни самоцелью, он отстаивает их рациональное сочетание в реальной политике [Там же, с. 141]⁶. Однако, первый он призывает сделать кошмаром генералов, а не образования, прямо указывая, что следует перевернуть то, что сейчас стоит «вверх тормашками». Отдавая себе отчет в том, что интегрированный, не узкомонетарный подход к развитию «трудно продать» [Там же, с. 148—149, 168], он тем не менее предстает его горячим сторонником.

В ценностях и этике, пусть и рассматриваемых им чересчур прагматично, Сен находит важнейшую часть процесса развития [Там же, 325]⁷, акцентирует ресурс духовной культуры, в частности учения Будды, для определения его доминанты в будущем, роль и место в нем межкультурных влияний, подчеркивает, что решать, в каких формах беречь традиции, должно общество [Сен 2004, с. 133, 266, 267]. Специально упомяну здесь также его пассаж об остро стоящей задаче снижения деструктивности односторонней глобализации [Там же, с. 265].

Из независимых от вышеизложенного суждений наших ученых можно назвать более адекватную России постановку «свобода как развитие» [Ясин 2004, с. 7—11] да включение в число направлений, призванных стать приоритетной заботой правительства, не только общего, но и высшего и второго образования [Нуреев 2004, с. 415], а также замечание о едва наметившемся повороте экономической науки в сторону более внимательного учета особенностей материала незападных культурных моделей [Там же, с. 423].

Споры по поводу политики финансовых властей ведутся под знаком интересов лоббистских группировок, а потому их пристальное рассмотрение не входит в мои планы. В рассуждениях относительно экономического роста начинает проявляться понимание, что нельзя все сводить к голым экономическим факторам, не учитывая огромной роли культуры и ценностей [Ясин 2004а, с. 55], одухотворяющих проект жизни [Шкаратан 2004, с. 24, со ссылкой на Парсонса]. Влияние духовных ценностей и культуры на развитие экономики и благосостояния граждан признается несомненным. В контексте переходности складывающейся новой системы ценностей с либеральным трендом и ее догоняющей природы, включая ценности личности и жизни, отмечаются как близость России к

⁵ В доказательство он приводит такие аргументы: ВВП на душу населения в Габоне, ЮАР, Намибии и Бразилии больше, чем в Китае, Шри-Ланке и индийском штате Керала, а негры в США богаче своих собратьев в третьем мире, но реже доживают до старости, чем в Шри-Ланке, Китае или наиболее благополучных штатах Индии.

⁶ Ибо чрезмерное увеличение равенства мешает эффективности. Чему, замечу, живые свидетели все, помнящие времена СССР.

⁷ Ср. мнение о системообразующем характере ценностей, например, Т. Парсонса [см. Шкаратан 2004, с. 24].

«полносу выживания», так и склонность соотечественников к рациональному поведению. Предпринимаются попытки ранжирования энергичности, непрактичности (впрочем, скорее, нестяжательства, что далеко не одно и то же), безответственности, трудолюбия и nepoтизма. Выделяются такие признаки, как приверженность творческому началу и размаху в труде, основанном на нестандартности мышления и образованности работника [Ясин 2004а, с. 9, 11, 28-29, 31, 45, 49, 50, 57], сельские повадки новых горожан, сдержанность перед лицом чужих образцов и наличие в традиционной системе ценностей доверия и этичности в ведении дел [Шкаратан 2004, с. 39—40, 49].

Ставятся вопросы, так ли уж невозможно найти в русской культуре опору процветанию и стоит ли ради него насиловать ее природу. Отмечаются ее гибкость и даруемые тем дополнительные шансы на наше доброе будущее, важность использования ее гуманистического заряда для укрепления в социуме крайне необходимой атмосферы солидарности, общности и доверия [Ясин 2004а, с. 10, 11, 31, 63], нейтральное, без негатива, отношение Православия и Церкви к бизнесу [Шкаратан 2004, с. 49].

Звучат призывы, что если цель заключается в обеспечении конкурентоспособности России на длительную перспективу [Ясин, Яковлев 2004, с. 63], то следует тщательнее изучить ее трудовой потенциал [Средние классы в России 2003, с. 72 и др.], использовать преимущества инновационного настроения человеческих ресурсов и, в конечном итоге, соединить традиционную культуру с достатком индустриального мира [Шкаратан 2004, с. 20, 23, 131].

По причине излишне технократичного понимания культурного ресурса и изолированного рассмотрения его проявлений не возникает системного видения анализируемого объекта, он распадается на несвязанные между собою фрагменты. Это приводит к резкой несбалансированности создаваемых конструкций. Например, с одной стороны, утверждается, что современная активность в нашей стране находится в явном противоречии с гуманностью и доверием, с другой — тут же делается вывод о быстрых положительных изменениях в системе ценностей [Ясин 2004а, с. 51].

Еще яснее та же слабость проявляется у того, кто придерживается сугубо монетаристского взгляда на предмет. Намерение знать реалии, понимать, что будет, а что не будет работать в наших условиях, отслеживать проблемы и решать их заблаговременно приходит в противоречие с убеждением, что процессы, идущие в лидирующих нациях, предопределяют развитие следующих в их кильватере даже по той же схеме (значит, и функционировать будут примерно так же). И с мнением, опирающимся на исторические параллели, что особенности современного экономического роста вообще трудно прогнозируемы [Гайдар 2004, с. 76, 78, 101, 104; ср. Гайдар 2004а, с. 30]. Наблюдаемая рассогласованность закономерно выливается в пронзительно драматичное для стратега итоговое заявление, зовущее обсудить — «возможно ли вообще изучать закономерности социально-экономического развития и как строить на их основе хотя бы сценарные прогнозы» (!) [Гайдар 2004а, с. 31]. Звучащий в нем леденящий пессимизм есть, на самом деле, несчастный финал безоглядной преданности жестко лимитирующей мышление трафаретности бесплодного течения, для определения которого я ввел понятие *экономизма*.

Мне остается зафиксировать примечательные констатации корпоративности и квазисословности советского и постсоветского общества с развитой системой внутрисословных обязательств (объясняющей, в частности, ожесточенность преследования М. Ходорковского, пытавшегося освободиться от зависимости от породившей его номенклатуры), синдромов бедных и богатых и дефектов элиты, истоков протекционизма, признаков средних страт и новых линий расслоения [*Шкаратан* 2004, с.с.79-80,109-117, 128,137, 139,141-145,148-150,153-157,158-163, 167, 171-172, 174-177, 179-181, 184-188].

Грани и меры рынка

Двигаясь последовательно, надо коснуться естественных пределов и свойств рыночных отношений как в целом⁸, так и специально в нашей стране. Для большей наглядности я сосредоточусь в этом на поучительных умозаключениях двух либералов, рыночников, западников по убеждениям и сторонников строгой денежной политики — Сена и Хайека. Сделанных на ином материале, но конвергентных тому, что происходит у нас.

Первый, признавая незаменимость рынка, пишет о его частичной неприемлемости, комплексе связанных с ним предрассудков однобокости оценки его продуктивности единственно в категориях пользы и доходов. Считает, что его механизмы, в силу их ограниченности, не решают не только любую, но даже и не каждую просто экономическую проблему, отчего их роль нельзя определить заранее для всего и навсегда одной формулой. Настаивает, что они рациональны в частном, однако никак не в общественном благе: приводя объемные иллюстрации предпринимательского эгоизма и противоречия интересов бизнеса и социума и доказывая обширными цитатами, что это было предельно ясно уже такому основоположнику, как А. Смит [*Сен* 2004, с. 132, 133, 144—145, 147, 149,150—151,325].

Его локальный параметр, финансовый консерватизм, по Сену, — лишь часть картины, не единственная задача правительства, которое должно видеть альтернативы расходованию средств. Он выступает за взаимную дополнительность рынка и нерыночных регуляторов и против скептицизма иных рыночников к развитию человеческого потенциала. Призывает не путать рынок с образованием, а финансовый консерватизм — с антидефицитным радикализмом. Подчеркивает, что нельзя обходить проблему равенства, когда необходимо вмешательство общества, в том числе властей, в сферу рынка для обеспечения требуемого баланса [Там же, с. 137,141,142,151,163,164,168].

Наконец, он ставит разумные социальные расходы выше страха бюджетного дефицита. Что уж говорить о нас, с многомиллиардными (в долларах США) ежегодными профицитными бюджетами и резервным фондом!

Всеми признается, что современный русский рынок монополизирован. Кратко обозрим аксиомы экономической теории по данному поводу. Рыночный монополизм, всегда и везде опирающийся на государственный протекционизм и потому консервирующий во вред социуму устаревшие технологии [*Сен* 2004, с. 143] (нужно ли приводить банальные примеры из экономики России?!), скован пря-

⁸ См. постановку вопроса о рубежах их эффективности [*Сен* 2004, с. 25].

Какая экономика нам нужна?

мыми и обратными связями с несвободой общества [Сен 2004, с. 142].

Организационные истоки новых отечественных монополий хорошо известны. А вот упомянуть об их показательных и естественных в постсоветской действительности идеологических корнях, еще раз, — совсем не лишняя затея.

Сравнивая свободную конкуренцию в Англии [Хайек 2003, с. 220—221] с континентальной практикой XIX века, Хайек назвал тогдашние европейские бизнес-объединения продуктом социалистического взгляда на банковский (финансовый, монополистический) капитал, как организующую силу, локомотив экономики [Там же 2003, с. 219—220: постановка вопроса]. На примере финансово-промышленной империи французского Креди Мобилье, в частности, в железнодорожном транспорте, он показывает и личные индустриальные унии сенсимонистов с предпринимательством [Там же 2003, с. 220] и непосредственную зависимость политики стимулирования картелей с их политической, мировоззренческой и деловой позицией [Там же 2003, с. 222]. Он также прослеживает вторичность идей германского князя и канцлера Бисмарка о государственном капитализме и социальном государстве применительно к разработкам Ф. Лассалья [Там же 2003, с. 222-223].

Стоит ли после удивляться, что наиболее сообразительная часть нашего бывшего партхозактива, прочей номенклатуры и их услуги начала в горбачевские времена с банковского бизнеса и строительства вокруг него финансово-промышленных групп. Могли ли «коммунисты», не унаследовавшие от большевиков ничего, кроме «марксизма» и неумейной жажды поживы, поступить иначе?!

Предпосылки к прорыву из шаблонов

Выше я старался продемонстрировать, что разрозненные весомые установки и отдельные фрагменты искомого видения перспективы, пусть только в прикладном выражении, присутствуют у довольно многих авторов. Что позволяет мне двигаться дальше, имея за собой хотя бы некоторую опору.

В дополнение к кое-каким ее элементам из упомянутого в разделе о специфике обобщений, здесь хотелось бы еще нарочно сослаться на критику рабского восприятия и избыточной экстраполяции веберовских постулатов об этике труда и наблюдения о совпадении многих показателей «западных» и «восточных» ценностей [Шкартан 2004, с. 21—22, с обширной библиографией]. Которые находят себе подтверждение в замечаниях Сена о связях и сближениях разных регионов мира в сфере идеалов и убеждений и не зависящей от географических координат фактической идентичности концептуальной базы трактовки прав и свобод в самых разнообразных культурных традициях [Сен 2004, с. 15, 271].

Однако ничто из перечисленного ранее не приближает нас в достаточной степени к главному — определению стержневой общенациональной задачи, или, заимствуя оборот из корпоративной лексики, миссии России. Без уяснения которой, как следует из общепризнанных нынче основ управления, ни у кого (что у общества, что у фирмы) никогда не получается выстроить вообще никакую системную работу.

Даже конкурентоспособность в версии Ясина и Яковлева дает тому слабое подспорье. А теоретический агностицизм, к которому пришел Гайдар, лишней

раз доказывает острую потребность высвобождения мысли из пут и шор экономического.

Приходится признать, что у результата, на который я ориентирован, отсутствует надежная предыстория в новейшей русской литературе. Оппоненты «державники» отличаются в том ничуть не лучше, чем единомышленники-либералы. Поскольку закидываются на замшелых банальностях вроде административного контроля над обществом, включая экономику. Нетрудно заметить разницу между ними и справедливыми постулатами Сена об активной социальной политике правительства.

Далекое предвестники намечающейся магистрали

Нижеследующий материал не случайно вызвал у меня ассоциацию с образом, вынесенным в подзаголовок. Ибо нам предстоит познакомиться как бы с предчувствиями принципиальных характеристик вероятной стратегии. А ничто не напоминает их точнее, чем ощущения, по коим, выходя из мира природы к цивилизации на смутный гул неразличимой еще иначе оживленной трассы, мы на почтительном расстоянии угадываем направление, в каковом лежит путь, движение по которому выведет нас к желанной цели.

Применительно к нашему предмету можно назвать как минимум несколько видов подобных примет. Один из них затрагивает генетические ограничения современной глобальной экономики. Книга Сена знаменует собой тут самое начало поворота в нужную сторону, и больше в данности «третьего мира», чем в целом. Впрочем, к его оценке контрпродуктивности [Там же 2004, с. 265] упрощенного подхода к распространению определенных моделей в ходе и с помощью механизмов глобализации надо присовокупить аргументацию [Алле 2004, *passim*] еще одного, на сей раз европейского и по культуре происхождения, и по сфере профессиональных занятий, ученого. Мало того, что француз М. Алле уже довольно давно, с 1988 г., также является Нобелевским лауреатом по экономике. Гораздо важнее, что он заблаговременно [Allais 1991] выдвинул недвусмысленный прогноз тех трудностей, с которыми ЕС стал сталкиваться по ходу ускоренной интеграции десятилетие спустя. Очевидно, его аналитикой не стоит пренебрегать и сейчас.

Другой заключается в мыслях Г. Мюрдаля о признании развитием только того экономического роста, что сопровождается улучшением положения большинства населения⁹, Смита и Сена о том, что законы рынка, — так же, как интересы экономики и отдельных предпринимателей, — не могут стоять выше общественного блага [Сен 2004, с. 144, 147].

Третий, признавая, что России следует стремиться к тому, чтобы продавать товары и услуги инноваций и умений, хотя бы и неоправданно технократически интерпретируемых [Ясин 2004а, с. 61], с одной стороны, обращает наше внимание на то, что «Семь из десяти инвестиций в венчурный капитал в Силиконовой долине приводят к полному провалу, но оставшиеся 3 приносят успех, и успех огромный, который окупает все провалы» [Кастельс 2004, с. 161]. Что, в свою

⁹ Цит. по: [Нуреев 2004, с. 413].

Какая экономика нам нужна?

очередь, заставляет сдержанно воспринять генерализирующий негативизм Гохберга [Гохберг 2004, с. 40—41] относительно результативности советской науки. С другой — напоминает о торможении в информационных технологиях, вызванном дефицитом творческих идей в разработке профаммного обеспечения, адекватного актуальному потенциалу компьютерного «железа» и иных компонентов коммуникационных сетей¹⁰.

Наконец, четвертый, отметив, что XX в. учился на ошибках России, формулирует, что в XXI столетии нам предстоит извлекать пользу из чужих уроков [Гайдар 2004а, с. 30]. И пускай последний тезис зависает над пропастью, образованной отвращением его автора к сценариям.

Зато он побуждает вспомнить" фразу из голливудского фильма, вышедшего в русском прокате под названием «Столкновение с бездной»: «В Вашингтоне все больные». Собственно, сценарист перенес в свой текст идиому из обыденной американской речи: большинство граждан США считают концентрированное содержание политики в этом городе негативно влияющим на психику его жителей. То же говорят и о Нью-Йорке применительно к финансистам. Так сказать, профессиональное сумасшествие. Вспомнить японский эксперимент, открывший, что у работающих под началом высокопоставленной женщины начинаются (независимо от пола) проблемы в семье и различные сексуальные девиации. О низком проценте в странах Северной Америки и Западной Европы обуреваемых экономизмом красивых женщин. И большом — бесплодных пар. Ибо он убивает положительную энергетику, одухотворяющую даже не самых прелестниц. И иссушает души родителей, производящих потомство не по любви, а по необходимости, и потребительски относящихся друг к другу. То же фиксируется в Москве и Петербурге относительно других городов России. А также вспомнить, что снижение рождаемости повышает эффективность манипулирования личностью, не имеющей опоры в широком круге родственников, и группой. Откуда вырастают нарушения психики, всплеск самоубийств и угроза общественной стабильности.

Отсюда, в принципе, уже допустимо переходить к заключительной части нашей работы. Но прежде все-таки следует сделать еще несколько отступлений в области, без экскурсов в которые финальные положения не будут достаточно мотивированными.

Экономика и свобода

России диагностика их соотношенности важнее и актуальнее, чем многим. Сен ошибается, приравнивая рынок к свободе. Он даже противоречил бы себе, если бы считал рыночной и монополизированную экономику.

Наша же экономическая система вдобавок номенклатурна по своей природе. Номенклатурные выходцы занимают ведущие позиции в хозяйстве и политике (См. выше и [Шелов-Коведяев 20046]): отсюда же растет монополизм и коррупция. Однако надо признать, что с доктринальной точки зрения номенкла-

¹⁰ Известная ситуация была подробно раскрыта С.П. Капицей зимой 2004 г. в докладе, посвященном изложению его общей теории цивилизации в ГУ-ВШЭ.

¹¹ Отсюда и до конца раздела подробнее см. [Шелов-Коведяев 2004а].

тура ведет себя в делах, непрерывно стремясь к расширению своего влияния и бизнеса, вполне рыночно и конкурентно. В том числе когда бьется за монополии и вытесняет с площадки не обязанного ей рентой малого и среднего предпринимателя.

В описанном положении справедлива последовательность постановки Ясина — свобода как развитие (см. выше). Ибо, чтобы прийти к тому, о чем пишет Сен, надо выволить русский рынок из номенклатурных пут, сообщить экономике принципиально иную степень свободы. Требуется ее радикальное разноменклатурирование. Невозможное без люстраций, как минимум, в административной сфере и образовании всех их звеньев.

Итак, рынок сам по себе не генерирует постоянно свободу. Так же, как экономика *suo ipso* никого не освобождает. Ибо некоторая масса свободы нужна им как стартовое условие, но они не воспроизводят ее из себя выше необходимого весьма урезанного минимума.

Притом, как мы уже видели, оба автора согласны, что ценность свободы превалирует над экономикой и рынком. Запомним данную мысль. Она нам понадобится, когда я дойду до определения подлинной неповторимости России.

Но Сен поднимает проблему на более высокий уровень и раскрывает ее глубже, чем Ясин. Ибо пишет, что надобна независимость и от рамок ползучего прагматизма, пошло понимаемой пользы, от обслуживания свободой преимущественно прикладных, технократических схем и поведения.

Однако тут движение его идей упирается в преграду, возведенную им самим из ложного равенства между отсутствием рынка и свободы. Поскольку, повторю, вторая дает импульс первому, но он не способен самопроизвольно продуцировать в ответ ее рост.

Этика, знания и свобода

У Ф. Рабле есть замечательная ремарка: знание вне совести ведет к руинам души. Позднее ту же тему раскрыл в своем «Фаусте» И.В. Гете. А Пушкин в «Маленьких трагедиях» распространил ее на обладание вообще всяким — что материальным, что невещественным — достоянием. А драматическая история научных открытий и их судеб в XX в. снабдила ее физическими доказательствами.

Недаром в наше время проблемы этики во всем пространстве бытия вышли на первый план. Ясин указывает на потребность гуманизации власти, политики и общественной жизни [Ясин 2004а, с. 10]. Сен постулирует неизбежность возвращения этических принципов в экономику в целом, не только в деловые отношения партнеров (См. выше, а также [Сен 1996]).

Поскольку мораль и нравственность неразрывно связаны с религией, то французский писатель А. Мальро, друг и министр культуры в правительствах Ш. де Голля, однажды сказал: «Следующее столетие будет религиозным, или его не будет вообще». В таком обороте нет ничего противоестественного. Только в сознании соотечественников отношения веры и свободы изуродованы марксистской клеветой. На самом деле, религия авраамического круга, оправдывающая автономность личности (Бог, создав человека, наделил его волей и даровал ему свободу), есть ее мощный фундамент [например, Мень 1999, с. 72].

Какая экономика нам нужна?

Выросшие на нем ведущие интеллектуалы развитых экономик и демократий уже давно сформулировали запрос на возрождение этического отношения к миру и его явлениям, на возвращение нравственного императива в повседневную практику человечества [например, *Барбур* 2001]. Возникло целое научное направление — биоэтика — со своими учебниками [например, *Сгречча, Тамбоне* 2001]. И хотя постепенно оно превратилось в дисциплину медико-этической ориентации [Там же, с. 4—5], нельзя терять первоначальный смысл, заложенный в термин его создателем, американцем В.Р. Поттером, призвавшим еще на рубеже 1960—1970-х годов устранить разрыв между естественно-научным и гуманитарным знанием и направить успехи первого на выживание и улучшение условий существования человека, и писавшим собственно об *этике жизни*, как то и следует из семантики образованного им неологизма [*Сгречча, Тамбоне*, с. 3—4].

Сен подробно останавливается на недостаточности рыночной мотивации этики, на востребованности их перманентной взаимной коррекции, вплоть до примеров прагматизма, ради спасения цивилизации, нерыночного, с элементами альтруизма, поведения (см. выше).

Этика Восточной Церкви и русского Православия как раз и противодействует осуждаемому Смитом и Сенем несдержанному [*Сен* 2004, с. 144—145] стремлению бизнеса к исключительности. Именно в этом, а вовсе не в непрактичности и материальном самоотречении, заключается смысл таких русских нравственных знаний и практик, как нестяжательство. А также иных узусов — солидарности и проч., — чью позитивность высоко ценит (см. выше) Ясин.

Между тем не на словах, а в реальной политике у нас сейчас априорно принято, что рынок не состоит в отношениях дополнительности с внерыночными механизмами, но подходит для решения каждой проблемы в любой области. Что не финансы служат обществу, а оно — им. Не рынок — общественному благу, а оно подчинено ему [подробнее см.: *Шелов-Коведяев* 2004].

Экономика, будучи по сути лишь обслуживающим его цели инструментом, фактичекки поставлена выше социума. Ранее достаточно сказано для того, чтобы стало предельно ясно, что означенное отклонение не имеет ничего общего ни с этикой, ни со знаниями, ни со свободой.

Еще раз о соблазнах Евразийства¹²

Сен безжалостно, но поделом заключает, что генерализирующие западные «теории» об Азии и дающие им пищу сочинения автохтонных поборников «азиатских ценностей», во-первых, опираются на спорадические примеры из опытов ее восточной части, в то время как и в ней укоренены разные традиции, и, во-вторых, представления о ней по обе стороны Атлантики сотканы из фобий и предрассудков [*Сен* 2004, с. 256, 257—264].

За подтверждением его выводов в русском материале нам — увы — далеко ходить не придется. Бегло пройдясь по ценностным категориям различных культур, Ясин тем не менее безапелляционно декларирует продуктивную систему ценностей преимуществом Запада. Причем делает это после того, как признает, что

¹² Более подробно, и на других примерах, критика аргументов современных «евразийцев» дана мною в работе [*Шелов-Коведяев* 2004б].

индустриализацию конфуцианский Восток (так и он ограничивается Восточной Азией) одолел на трудолюбии и иерархии, и постулирует, что *эти* (выделено мною — Ф.Ш.-К.) ценности для постиндустриальной эпохи превращаются в тормоза [Ясин 2004а, с. 9, 31]. Нимало не смущаясь отсутствием объяснения, как трудолюбие вдруг может стать чему-либо препоной.

Сен убедительно показывает, что свобода и выбор были и есть во всех распространенных азиатских духовных и политических учениях, что ссылки на «особые» ценности, отличные от прав человека в их западном понимании, поступают исключительно от авторитарных режимов и находящихся на их службе бюрократов, предлагая верить не им, а несогласным с ними независимым историкам, что неравенство, недемократизм, давление государства, нетолерантность неотступно сопровождают Запад от века и по сию пору [Сен 2004, с. 255, 257—264, 271, 272].

К его резонам стоит присовокупить то, что, например, школа мусульманских богословов-мутазилитов, сложившаяся на территории современных Марокко и Алжира на заре прошлого тысячелетия, подробно разработала доктрину о свободе воли, и с тех пор суверенный индивидуальный выбор составляет неотъемлемую, пусть и не всем известную, часть общего исламского наследия. А Германия адаптировала в свой менталитет экономические и гуманитарные модели, бывшие до того преимущественными характеристиками англосаксонской и французской мысли и практики, лишь к концу 1960-х годов минувшего века, Испания и Италия — со второй половины 1970-х годов. Греция же, располагающая наибольшими (кроме евреев, имеющих аналогичную ей по длине историю) среди современных независимых наций Средиземноморья основаниями подчеркивать свою особливость, — с середины 1980-х годов.

Далее Сен основательно доказывает, что инвестиции в человеческий капитал¹³ и активную деятельность для Азии, как и в Европе, не роскошь, что они (беря за образец Таиланд) точно так же, через влияние на качество жизни, ведут к экономическому росту. Учение Будды о «срединном пути», хотя его возможности часто преувеличивают, предпосылает он своим рассуждениям, имея в виду равноудаление от рынка и патернализма, еще пригодится миру [Сен 2004, с. 133, 166, 167].

Сказанного достаточно, чтобы поколебать уверенность в существовании где-либо той мифической «азиатчины», в которую, по версии нынешних «евразийцев», погружена Россия. Однако, разрушая порочные клише, аргументацию Сена легко продолжить.

Частота употребления идиомы «Китай — Рим Востока» в специальной литературе превратила ее в трюизм: за пределами богатого эзотерического знания, которым он славен, в том числе благодаря своим анклавам (Тибету и пр.), его рациональная наука тысячелетиями имела сугубо прикладную направленность. И конфуцианство, будучи сердцевинной его исповедальной триады, представляет собой прагматично ориентированную духовно-философскую систему. Стоит акцентировать, что он научил той же манере Японию и Корею.

В нашей стране, говоря об Азии, чаще всего держат в уме Степь и вообще кочевников. Но средневековый кочевой Восток (не в деталях, а, что важно для

¹³ Ср. на этот счет мнение американского институционалиста Т. Шульца (цитирую по [Нуреев 2004, с. 413-414]).

Какая экономика нам нужна?

моей задачи, по обращению с материалом культуры), как и Поднебесная, — арабы, турки, монголы — абсорбировал к собственной пользе прежние и текущие достижения завоеванных им оседлых народов. Его собственные науки, там, где можно говорить о самостоятельном вкладе, и лишь после седентаризации, были прикладной направленности: астрономия, математика, медицина. В целом Рим пополам с Китаем, как *alter ego* того же.

Аборигены стадии первобытной для наших целей не в счет. Индокитай, судя по Таиланду, сейчас следует во многом европоцентристской парадигме, а прошлое всего субконтинента (включая Лаос, Бирму и Вьетнам), находящегося в информационной тени региональных сверхдержав, известно по сравнению с ними и за пределами их же влияния недостаточно, чтобы делать далеко идущие выводы.

Получается, что если отрешиться от ошибочных стереотипов о Восточной Азии и кочевниках, поскольку 1) те очень близки Западу по присвоению и способу применения теории, а он, в свою очередь, постоянно впитывает знания Востока, и 2) мы ушли дальше в плане вложений в развитие человеческого потенциала, чем азиаты, в России не обнаруживается ничего «евразийского» [здесь и далее ср. *Шелов-Коведяев 2004б*].

Из всего роскошного азиатского массива остаются иранцы (прежде всего, персы и пакистанцы, — действительно, давно вещь в себе) и арии (Индия). Последняя, как и общеиранская, являет пример цивилизации знаний, что впрямь объединяет нас в одну группу. Недаром многие наши и ее прорывы в технологиях совершаются в однотипных сферах, и много полезного для понимания ныне разворачивающегося этапа эволюции человечества мы находим у индуса Сена. Но как раз с Индией отношения, не считая дославянского единства, до второй половины XX в., были минимальны.

Таким образом, той Азии, которой обманывают себя Запад и наши эпигоны евразийства, попросту никогда не существовало и *нет* в природе и сейчас.

Вяч.Вс. Иванов в одном своем интервью охарактеризовал даннические, а не налоговые отношения русской власти с бизнесом пережитком кочевых практик. Ошибочно. Данничество было формой фиска на раннегосударственной ступени во всей Европе, не исключая Англию. Другое дело, что в результате запаздывания [о его природе см. *Шелов-Коведяев 2004 б*] у нас сохранились многие атавизмы. Впрочем, судебные налоговые и иные финансовые иски *post factum в США*, где нынешние многосотмиллиардные претензии к табачникам до боли напоминают мытарства ЮКОСа, *имеют тот же корень*.

Чл.-кор. РАН Ю. Пивоваров в последнее время выдвинул в своих выступлениях еще ряд евразийских химер. Одна из них — удаленность администрации от народа, выразившаяся, в частности, в постоянных переносах столицы, якобы отличающая нас от Запада. Между тем в состоянии неустоявшейся территории (а у России она расширялась дольше, чем у кого бы то ни было на континенте после Римской империи) и утверждения централизма переезды и вынесения стольного града, скорее, типичны для Европы. Аахен, Вормс, Майнц у Карла Великого и его наследников. Равенна, Неаполь, Милан, Рим в Италии: до сих пор к Вечному городу антагонистичны как север, так и юг «сапога». Краков и Варшава. Реймс и Париж. В относительно небольшой Испании — Толедо, Кордова, Севилья, Мадрид — при маврах и христианах. До Лондона, из самых известных, Йорк

в Англии. Даже в крошечных Нидерландах Гаага и Амстердам. Очень репрезентативны передислокация двора вслед за Людовиком XIV и Голландия под властью Испании.

En pendant толерантному отношению Православия к суверенитету басурман можно привести примеры католической иерархии на Балканах и Пиренеях в аналогичной ситуации, а также на современном мусульманском Востоке и в Китае. Применительно к иноземцам в более широком аспекте — французов и англичан под властью друг друга. Сам Спаситель сказал об этом: «Богу — Богово, кесарю — кесарево». Возможность окормления душ Церкви важнее отказа от церемониального почитания мирского начальника, которого ее паства ведь может и сменить. Иудеи тысячелетия молятся за любую власть, которая дает им спокойно жить. И правильно делают.

Русское удельное землевладение по отношениям и с сюзереном, и с крестьянами не формально-юридически, но содержательно соответствует феодалу. Который тоже не был одинаков в разных странах [подробнее см. Там же].

Лингвистические эскерсисы, противопологающие *etat*, *Staat*, *state* и государство, как термины, символизирующие некое состояние независимой нации (*status*, от которого все они происходят, подчеркивает, к слову, в средневековой латыни, в данном контексте, не тип социальной организации, а исключительно стабильность, т. е. постоянство подвластной суверену территории), беспомощны по сути. Во-первых, потому, что иные европейские языки знают понятия *raństwo* и т. п., используемые в тех же целях. Во-вторых, латинское *regnum* и вышедшие из него *Reich* и *royaume*, как *Konigtum* и *Kingdom* из другого материала, еще жестче отражают ту же мысль управляемости и подчиненности. Понятно, как и когда они были заменены антитезой абсолютной королевской власти. А в русском монарх звался и государем, и царем, и императором. Было из чего выбрать. Отсутствовала острая необходимость в семантическом размежевании. Только и всего.

Поскольку концепции прав и свобод издревле (см. выше) присутствуют в азиатских представлениях, то и тут «евразийство» России ни при чем. Азиатчина характерна единственно нашему политическому классу и его сателлитам, которые в интересах власти и бизнеса апеллируют к евразийству, наподобие того, как авторитаризм в Азии адресуется к якобы особым «азиатским ценностям».

«И невозможное возможно»¹⁴

Столь детальный пролог вызван не природной робостью и не неуверенностью в значимости того, что возникнет за ним. И не избыточной осторожностью. Хотя даже маститый Сен предпослал своим весьма умеренным соображениям о естественных пределах применения рыночных подходов и архаичности связанных

¹⁴ А. Блок: первая строчка последней строфы написанного 18 октября 1908 г. стихотворения «Россия» из цикла «Родина». Предваряя возможные вольные интерпретации, скажу, что по законам организации поэтического текста, постигаемым, например, методом структурного анализа, действенность содержащегося в ней утверждения усиливается, а не ослабляется помещенной писателем в последние строки того же произведения экспрессивной формулой.

Какая экономика нам нужна?

с ними суеверий, как бы оправдываясь, знаменитую максиму Т.Г. Гексли о движении новой истины от ереси через признание к предрассудку [*Сен* 2004, с. 132].

Просто мне надо было основательно исключить второстепенное и превратное, могущее помешать сообразно получить главное. С гордыней самоуничижения и неполноценности перед западниками (когда мы сами, преследуя копирование их шаблонов [ср. *Нуреев* 2004, с. 416], загоняем себя в парадигму развития третьего мира¹⁵) России пора кончать.

Но исходя не из «квасной», а реальной самоидентификации. Современная кельто-угро-балто-романо-германо-славянская Европа покоится (чтобы не погружаться в наложившие на них неизгладимую печать семито-хамитские, индоиранские, фрако-иллирийские, этрусскую и прочие опосредованные ими традиции) на двух базовых субстратах — эллинства и латинства.

Греция, как правило, производила фундаментальные знания — теорию и штучные изобретения. Ее стихия — искусство, философия и иные науки. Рим практик. Он находил им прагматичные, бытовые применения. Отсюда право, военная и прочие техники и администрация.

Второй ценил и внедрял изобретения первой. Эллада придумала водопровод и цемянку. Потомки Ромула покрыли ойкумену акведуками, создали цемент и застроили с его применением Вечный Город многоэтажными инсулами. Первая развила геометрию для постижения мироздания, вторые — провели с ее помощью землеустройство и опутали Империю сетью мощеных дорог, по которым поныне катится большинство трансконтинентальных трасс. И так далее: в музыке, литературе и пр. — до бесконечности.

Запад унаследовал их прикладные навыки (исследования Нового Времени продолжили наработки греческой учености и непосредственно, и *via* арабское восприятие), а Византия, не утрачивая их, продвинула линию спекулятивного поиска. Оттуда же растет корень расхождения между агностицизмом католичества (принципиальная непознаваемость Бога, доступность лишь постепенного рационального, без надежды прийти когда- и кому-либо в конечную точку, приближения к Его постижению) и воспроизводящим по-своему ветхозаветную матрицу апофатизмом Православия (возможность иррационального, эмоционального познания Божественной сущности через мистическое, молитвенное воссоединение с Ней) [*Лосский* 1991, с. 20—36].

Характерно, что западные рационализм и экспериментальная наука с ее акцентом на прикладнизм естественно произошли из ступенчатой модели познания Бога католичества, лютеранства и кальвинизма. Их родоначальники истосковались в рамках схоластики, где, в отличие от Ортодоксии, превознесшей личный опыт, наблюдению и эксперименту не было места, и потому гипертрофировали значение рассудочности.

От полудиких средневековых франкских королевств Запад усвоил, и перенес его по наследству на Россию, неизбывный комплекс перед утонченной, более образованной, хитроумной, богатой, знающей Византией, изощренной в искусствах и искусной в науках наследницей древних традиций. Ученика — перед учителем. Мешающий их потомкам, в отличие от Рима, который никогда не пе-

¹⁵ См. мысли Мюрдаля об изъянах отрыва точек роста от основного материала в третьем мире (цитирую по [*Нуреев*, с. 411-413]).

реживал по данному поводу, признать свою вторичность¹⁶. Вплоть до относительно недавнего искусственного изобретения наукой специального термина для обозначения страны — Византия (мол, не Греция, которую признали со времен Ренессанса, и не Восточная Империя): сами ее жители именовали ее Римской державой (Ромья — употребляется поныне, как второе краткое самоназвание Эллады), а себя и теперь еще граждане родины демократии зовут ромеями (римлянами по-гречески).

И жуткие заблуждения о православной этике труда: она не может быть иной, чем у других христиан, так как повторяет иудейские постулаты. А там труд есть не наказание, а обязанность. Ее исполнял Адам уже в Саду Эдема (Быт. 2 15). За Грехопадение Господь покарал его не работой, а отлучением от Своего общества (Быт. 3 24). Другое дело — практика. Но этика, как система категорий, не несет прямой ответственности за эксцессы их исполнения.

Россия же, в двуедином мире Европы, безусловно, преимущественно восприимчива толерантного «эллинизма» (не в смысле эпохи): лучшего подтверждения европейства нам и не надо. К ней от Византии перешла цивилизация преимущественно фундаментальных знаний, начиная с лежащих, как известно, в основе любого, даже самого рационального¹⁷, их вида интуитивных форм и включая понимание стилей и смыслов жизни. Именно она нацеливает русского труженика на творчество, размах, нестандартное мышление, образованность, о которых так верно (см. выше) пишет Ясин. Технологии нас интересуют, но идеи — намного больше. Вот наше истинное своеобразие. Как видим, в нем нет ничего от ущербности «почвенников».

Западная Европа, отказавшись en masse от глубокого духовного, а вслед за Америкой, и от широты научного поиска, бездумно ловится в силки оккультизма, превращенного в его примитивизированной под потребу суетливой публики ипостаси в опасный суррогат метафизической информации. Магизм рекламы, шоу-бизнеса и иных манипулятивных технологий, не придающих значения тому, что нельзя безнаказанно для психики, включая производителя и потребителя, к примеру, проводить исполнителя через огонь, а тем паче — огонь через него, да еще в какой-нибудь геометрической фигуре, тому лучшая иллюстрация. Обезьянничанье на этой почве доморощенных сценаристов, режиссеров и продюсеров губительно.

Ведь от нас ждут совсем другого — свежих концепций и адаптации вовне умения нравственно жить, включая неажиотажное восприятие экономики потребления, душевный потенциал и не утраченные пока полностью человеческие связи. Таков цивилизационный запрос. Недаром о том в один голос толкуют все перебравшиеся к нам иностранцы.

Наши широкое образование и незаспециализированная наука, позволяющие нашим, от ученых до техников, успешнее устраиваться и на Западе, уникальный нерастраченный ресурс поликультурности в самом общем, а не прикладном смысле, многонациональности и толерантности, скепсис к лихорадочному спро-

¹⁶ Ср. аналогичную реакцию на исламский мир: из-за сарацин, от которых научились мыться в бане (в Византии были свои термы), применять пряности, благовония и прочие изыски.

¹⁷ См. об этом подробнее в двух следующих работах из задуманного цикла.

Какая экономика нам нужна?

су — суть наши конкурентные преимущества. Проводимая же по американским лекалам реформа образования, включая сокращение часов на русскую литературу в школе, невнимание к автономному национально-культурному развитию и пропаганда безудержного потребления его бездарно разбазаривают. Что абсолютно безответственно не только перед собой, но и перед человечеством в целом. Где оно возьмет широко мыслящих людей, свободных от гипертрофированного потребительства и избыточного эгоизма бизнеса, если они исчезнут у нас? Остальные расстались с тем еще раньше.

Мы уже наблюдаем, как следом нас покидает кураж. Провалы на футбольном чемпионате Европы и Олимпиаде в Афинах демонстрируют: даже спортсмены, будучи непосредственно вовлечены в бизнес (не в защиту своих частных для каждого интересов, а предпринимательство, как таковое, — чего стоит одно финансирование на доходы от казино), теряют силу духа. Премии за «золото» им не помогают.

Раз *Отечество — цивилизация знаний*, причем не «специфических», которые нам навязчиво рекламируют взамен всеобщих, а именно фундаментальных, без которых ничто не возникает, то мы должны воспользоваться еще двумя своими козырями. Одним — перед Востоком, куда обращаются за тем же самым. Я имею в виду нашу большую близость, понятность и адаптированность лидерам прогресса.

Вторым — перед Западом: сдержанностью в потреблении. Американскими фантастами давным-давно диагностирован тупик гонки замещения модными товарами не избывших свой срок аналогичных, физически пригодных, но «морально» устаревших продуктов: калейдоскопическая смена их поколений ведет к разгону так работающей системы, переходу ее в режим неуправляемой центрифуги и, в итоге, взрывному концу. Сорвавшиеся с тормозов ускорение и мультипликация в рамках «новой экономики» все дальше увлекают мир по этому пути. Другое дело, что заложники ее, ведущие экономики, не знают пока, как справиться с проблемой занятости, если разорвать ее порочный круг. Слава Богу, у нас пока нет столь острого ограничения. Значит, можно отработать модель, которая позволит избежать указанной опасности.

Притом, я не предлагаю никакого самопожертвования. Действовать надо в собственных интересах. Когда у нас получится, то Запад не потребует учиться, как ему воспользоваться достигнутым.

Для прорыва России на достойное ее потенциала место надо формировать спрос под уже (иногда давно) существующие у нас, но не востребованные экономикой потребления, знания. А не вымучивать из себя решения под ее текущие мелкие вызовы. Много тех, кто всегда справлялся с такой ползучей прагматикой лучше нашего.

Большевики однажды уже приземлили задачу «искусство должно быть *понято* народом» до «искусство должно быть *понятно* народу». Что оттуда вышло, мы видим. И дело не только в том, что они же того предварительно сами обескровили, истерзали, запугали, одурачили, обездолили и лишили его лучших, самых талантливых и крепких морально и материально представителей.

Когда я говорю о знаниях, то я имею в виду все их виды: научные, технологические, социальные, духовные. Нужно подтягивать под них окружающую среду, а не принижать их до нее.

В этом смысле Гохберг глубоко неправ, когда третирует инновационный потенциал (пост)советской науки: она всегда блестяще отвечала стоящим перед ней задачам. Если в Силиконовой Долине процент провалов к успехам выглядит как 7:3, то и у нас *порядок* соотношения был не хуже. Но поскольку 75 лет СССР шел не туда, куда остальные, а теперь задачи изменились, то, если мы просто будем копировать их методы, мы никогда не перекроем их фору.

Зачем же заранее обрекать себя на вечное отставание? Следует также учитывать, что взаимосвязи в «новой экономике» уже устоялись. Нам не доверяют: работает и старый «образ врага» и новые «художества» Кремля. И не пустят дальше позиции на подхвате, которую мы и так уже имеем. Опасность не осилить дорогу к более привлекательной перспективе велика, поскольку Запад успешно решает проблемы частичного дефицита у него квалифицированных мозгов за счет импорта наших. А русская экономическая политика в сфере знаний, вместо их привлечения и закрепления, стимулирует их утечку.

Грамотной альтернативой буквальному калькированию чужого опыта видится новый, параллельно «гонке за лидером», подход к целеполаганию. Совсем иная, вместо догоняющей «новой», экономика. Но, что критически важно, рядом с тем, что имеем, чтобы замена одной другой происходила не революционно, но постепенно. Такая парадигма допускает и применение в разумном русле извечной русской нелюбви к следованию, особенно слепому, иноземным образцам.

В соответствии с приматом дополнительности стоит не отказываться, а укреплять воспринятый с Петра I из Голландии и Германии, а потом и Англии, вкус к самостоятельному внедрению собственных открытий и знаний, позволяющий именно в нашей действительности сплавить в единое целое специализацию Первого и Второго Рима. Уйдя лишь от обедненного западного понимания прагматизма. Что составляет еще один наш конкурентный перевес, оправдывающий как никогда партию объединяющего лейтмотивы своих предшественников Третьего.

Никто не должен также прекращать добычу и экспорт сырья или производство продукции сельского хозяйства, электроэнергетики, металлургии и т. п. Надлежит экономическими методами стимулировать промышленную и пищевую переработку, легкую промышленность и машиностроение, где они способны на равных конкурировать с импортом в удовлетворении реально установившегося спроса, и технологии из списка Гохберга [Гохберг 2004, с. 46-52] (вероятно, с некоторым его увеличением). Остальное же — ввозить либо (например, в автопроме) широко распахнуть соответствующие сектора для прихода иностранных компаний, не распыляя силы и средства во имя ложно понимаемой национальной гордости.

Однако *приоритетность* всех видов *инвестиционной активности* предстоит *постепенно и бережно переориентировать*. Только частично — в отрасли «новой экономики» (включая означенный перечень). В основном же специально, и единственно *экономическими стимулами*, поощрять ее в принципиально нетривиальный проект, который сводится в две взаимосвязанные масштабные составляющие. Во-первых, продвижение на рынок знаний, не различимых экономикой потребления. Во-вторых, построение, в развитие идеи гражданского общества, эффективной инфраструктуры социальных связей. Обе я постараюсь охарактеризовать в следующем разделе.

Миссия

Ранее мы договорились употреблять данное понятие в семантике, принятой корпоративной стилистикой. Разумеется, я не покушаюсь дать ниже законченную теорию максимально продуктивного русского экономического поведения на современном этапе. Но я постараюсь вкратце изложить то, что мне видится опорными элементами ее каркаса. Рассчитывая, скорее, пробудить интерес учебного сообщества к ее выработке. И надеюсь самому впоследствии вернуться к более подробному разговору о ней.

Выше было порядком сказано, насколько и как давно западные гуманисты обеспокоены тем, что экономика потребления истощает себя, а нравственность загнана на задворки повседневной жизни. В данной связи надо отметить, что механическое включение России в нынешнюю схему прогресса может как отсрочить (на что надеются те, кто этому способствует, полагая, что за период передышки успеет найти следующее парциальное техническое решение, способное еще немного продержаться неустойчивое равновесие рынков) надвигающийся коллапс, так и ускорить его. Предварительное исследование, завершённое год назад под руководством автора и Г.А. Сатарова на базе фонда ИНДЕМ¹⁸, показало, что по всем основным показателям: наличие ресурсов и плодотворность их использования, вовлеченность в глобальные процессы и степень влияния в них — Россия и лидирующие нации и организации находятся в такой противофазе, что, если мы вдруг начнем верно копировать их узусы, глобальный системный кризис рискует приобрести лавинообразный характер.

Как только что было выяснено, нам проще и содержательнее, и формально, не в пику эффективности достигнутого другими и не отказывая себе в использовании созданных ими преимуществ, но в дополнение к ним создать конструкцию, способную защитить всех от пропасти. К тому есть еще несколько причин.

Во-первых, сейчас интересы экономики самой по себе повсеместно, и у нас тоже, поставлены выше общественного блага. Вопреки мнению основоположника рыночной теории А. Смита и неинституционалистов, например Сена. И Православной этике. Ибо суть нестяжательства состоит не в самоотречении, а в построении правильной последовательности между целью и средством.

Ведь Бог, указав способ пропитания, ничего не сказал человеку об экономическом существовании: «В поте лица твоего» (Быт. 3 19) развивает идею о том, что он своею безответственностью навлекает беды не только на себя (Быт. 3 17: «проклята земля за тебя»). Таким образом, экономика есть целиком людское порождение, она субъективна, объективных законов, не поддающихся, в отличие от «законов природы», нашей решающей модификации, в ней не существует, есть лишь вторично объективированные [подробнее см. *Шелов-Коведяев 2004*]. Этика же имеет Божественную санкцию.

Россия сохранила, пусть и ослабленные «ново-русской» стихией, знания о внерыночных ценностях и нерыночных механизмах регулирования изрядной части общественных благ, о значении нравственности в экономике и социуме, о необходимости самоконтроля науки совестью. С другой стороны, страна полу-

¹⁸ В работе принимали участие А.В. Максимов, А.Ю. Мельвиль, Ю.И. Рубинский, Ю.А. Ръжов, В.М. Сергеев.

чила иммунитет против «социалистического» волюнтаризма. Следовательно, мы должны найти «золотую середину» между крайностями тотального рынка и «социализма», необузданного индивидуализма и колхоза.

Во-вторых, главный запрос современности сводится к гуманизации экономики и общества. Пока еще, как известно, главным ресурсом развития является информационный. Но его уже, как мы видели, убедительно теснит резерв творчества и культуры. Тенденция выражена настолько мощно, что, например, Клод Леви-Стросс в конце жизни видел XXI век эпохой гуманитарных наук.

Русская цивилизация сберегла, в отличие от западной (см. ее подходы в ссылках на Шульца, Сена, Ясина и коллектив авторов во главе с Кузьминовым), широкое понимание инвестиций в человеческий капитал, творчество и культуру. Так кому и использовать свое конкурентное преимущество и элиминировать изъяны зашоренных рецептов и создавать комплексную модель экономики знаний и нравственного общества, как не нам? То гармоничное единство ценностей и экономики, которое Поттер [см. *Сгречча, Тамбоне* 2001, с.3] называл *этикой жизни*. Где проблемы демографии и хозяйства не антагонистичны созиданию и морали [подробнее см. *Шелов-Коведяев* 2004; *он же* 2004а].

В-третьих, творческое начало, размах, образованность работника и нестандартность мышления суть традиционные (см. выше) черты, делающие труд в русской традиции привлекательным.

Раз наша страна олицетворяет собой ту сторону европейской цивилизации, которая отвечает за производство знаний (одна только расшифровка письменности и языка майя Ю.В. Кнорозовым сугубо внутренними средствами, без билингв и иного параллельного материала, на которые опирались для Египта и Крита Шампольон и Чэдуик и проч., полностью это подтверждает), то основные вложения всех видов у нас должны направляться в их подготовку, создание и воплощение — от жизненных практик до выпуска в серию. Соответственно экономика призвана формировать все виды изготавливающей и поддерживающей инфраструктуры научных и этических (духовных) *знаний*, здоровья, естественной жизни и социальных связей.

Например, вместо отрасли лечения (не бросая его, конечно) — индустрия здоровья — от воссоздания системы массового спорта до имплементации ВОЗовской программы «Здоровый город», со всей периферией сопутствующей продукции в обоих случаях. Не учить, как сейчас, особенно в школе, а выучивать и выучиваться, продуцировать разносторонние, в том числе всеобъемлющие этические, знания, отбросив навязываемую нам узкую специализацию американского образца и включив в понятие развития человеческого капитала высшее и второе образование [ср. *Нуреев* 2004, с. 415]. Слава Богу, сохранились еще научные школы.

Подлинная экономика человеческого потенциала базируется на знаниях и смыслах. Принято считать (см. выше), что когда речь идет о них, эгоистические интересы рынка не могут подчинять себе общество. Ошибочную ситуацию надлежит перевернуть. Возвратить этику в подпорченные «новыми русскими» бизнес и социум.

Для этого создать спрос на невостребованные в рамках экономики потребления, в том числе и вполне прикладные, накопленные нашей наукой и культурой познания и ценности. Что нуждается в маркетинге соответствующих «белых

Какая экономика нам нужна?

пятен» и в продвижении отечественному и внешнему потребителю собственных достижений. Их, включая и прямую рекламу, надо экономически стимулировать.

Режим максимального благоприятствования должен быть также открыт инвесторам в развитие и углубление 1) универсальных образования, производства культурных навыков и научного поиска, включая издательское обеспечение, военный НИОКР, финансирование школы, подготовки учителей и полевых исследований, в том числе в школьные, университетские и научные фонды западного образца, 2) культуры — этических знаний и нравственных смыслов; искусств, музеев, библиотек, реставрации и содержания природных и рукотворных объектов, институтов гражданского общества и проч., 3) инфраструктуры естественной жизни: всех видов строительства, транспорта и связи, что особенно актуально при наших просторах и 4) нравственных, неразделимых с поддержкой и взаимопониманием, человеческих отношений: семьи, рождаемости, воспитания детей и т. д. О здоровье уже сказано.

Так мы возвратим общему контексту один из утраченных смыслов, которым мы по-прежнему владеем, проредив безумцев, возводящих формальную карьеру в абсолют (вспомним: «В Вашингтоне все больные»). Заодно рассредоточим социальную поляризацию и скученность населения в нескольких центрах, выровняв условия жизни и доступа к информации и благам цивилизации и свободы на разных территориях.

Что же касается предпринимательства, то легко представить себе шлейф смежных и поддерживающих производств и технологий, от традиционных до самых высоких и от тяжелой промышленности до бытовых приборов, который потянет за собой каждая из вышеуказанных позиций. Это должно быть увязано с планомерным, последовательным, всеохватным и скорым разноменклатуриванием экономики, сопровождаемым снятием ограничений на бизнес, заботливым и деликатным поощрением его заинтересованности в инвестировании в названные направления и культивированием качественного роста сети занятых там средних и малых предприятий.

Плюс компенсирующие затраты на стимулирование инвестиций бюджетные доходы от неизбежно бурно растущего туризма — исторического, экологического, экстремального И еще воспитание, с детства, за счет учебных экскурсий по своей улице, кварталу, городу, району, области, стране нормального патриотизма, получение географических и природоведческих знаний и ощущения национального единства и солидарности.

Поскольку творчество и культура — царство женщины [подробнее см. *Шелов-Коведяев 2004; он же 2004а*], то нам предстоит вернуть в массовое сознание один из базовых смыслов: она занимает исключительное положение в пространстве материального мира и делает мужчину. Восстановить баланс мужского и женского начал в современной жизни, освободив ее из тисков индустриального века, маскулинизации и ползучего индивидуализма.

Ибо следующий этап истории, несомненно, — эра женщины, ее полномасштабного возвращения к лидерству. Необходимо раскрепостить ее духовный потенциал, парадоксальное только с узколобой точки зрения, а на самом деле нестандартное, что столь ценно, мышление, дать им расцвести в полной мере.

Назову здесь лишь один механизм обеспечения вышесказанного: прогресс женской дистанционной занятости. Которая ей позволит, имея достаточно

самостоятельных доходов, нанимать на время, отведенное работе, няню и контролировать ее, не подвергая своих детей риску произвола со стороны сиделки.

Инвестиции в *экономику знаний* и суть, на мой взгляд, те разумные социальные расходы, о которых, в развитие мыслей Сена, должна идти речь в наших условиях. Вспомним: он пишет, что их страх у финансовых консерваторов неоправдан даже в ситуации бюджетного дефицита [Сен 2004, с. 162—163]. Мы же уже несколько лет избавлены и от такого ограничения. Значит, кардинальная переориентация, вместо механистического калькирования заимствованных эталонов, на вложения, которые я отстаиваю, полностью оправдана.

Конечно, для этого нам придется умерить финансовый радикализм. Но зато мы получим шанс постепенно прекратить «утечку мозгов». И возможно, со временем, превратиться в их реципиентов. Знания же всегда служили и служат экономическому процветанию. Тем более, в условиях, когда мир обратился, наконец, к традиционному для нас пониманию необходимости их самоограничения совестью и результативности нравственности в экономике и социуме. И готов к их полномасштабному возвращению.

Эпилог

Итак, мы нашли:

Истинное своеобразие России.

Глобальный запрос на него.

Отвечающий запросу ресурс - адекватный, во-первых, целям конкурентоспособности, модернизации и расширения свободы, во-вторых, опирающийся на традиционные ценности русской культуры.

Определили набор, содержание и последовательность требуемых действий.

Теперь перед нами две задачи. Первая: консолидировать усилия на выявленном направлении. Вторая, не менее важная: избежать ловушки высокомерия знания, особенно научного, которую столь красочно выписал и каковой, тем не менее, сам не сумел избежать, Хайек.

Литература

- Алле М. Глобализация: Разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. М.: Теис, 2003.
- Барбур Иен Р. Этика в век технологии. М.: Библейско-Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2001.
- Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
- Гайдар Е.Т. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России // Модернизация экономики России: Социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. Т. 1.
- Гайдар Е.Т. Современный экономический рост и стратегические проблемы развития России. М.: ГУ-ВШЭ, 2004а.
- Гохберг Л.М. Новая инновационная система для «новой экономики» // Модернизация экономики России: социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. Т. 2.
- Кастельс М. Новая экономика: новый способ организации и технологий // Модернизация экономики России: Социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. Т. 1.

Какая экономика нам нужна?

- Кузьминов Я.И. и др.* Россия: формирование институтов новой экономики // Модернизация экономики России: Социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004. Т. 1.
- Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991.
- Протоиерей А. Мень.* История религии. М.: Слово/Slovo, 1991. Т. 1.
- Нуреев Р.М.* Экономика развития: вклад Амартии Сена // *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Сгречча Э., Тамбоне В.* Биоэтика. М.: Библейско-Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2001.
- Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Сен А.* Об этике и экономике. М.: Наука, 1996.
- Средние классы в России: Экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф, 2003.
- Хайек Ф.-А. фон.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Мировоззренческие комментарии к экстремальному либерал-экономизму // Общественные науки и современность. 2004. № 6.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Социология женщины: Очерки из культурной антропологии личности и общества // Россия XXI век. 2004. № 5 и 6, 2004а.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Фантомы Евразийства: Размышления о пользе преодоления одной мифологемы // Политая. 2004. № 2. 2004б.
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004.
- Ясин Е.Г.* Свобода как развитие // *Сен А.* Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и система ценностей // Модернизация экономики России: Социальный контекст. М.: ГУ-ВШЭ, 2004а.
- Ясин Е.Г., Яковлев А.А.* Конкурентоспособность и модернизация российской экономики: Начало проекта. М.: ГУ-ВШЭ, 2004.
- Allais M.* L'Europe face a son avenir: que faire? P.: Robert Laffont/Clument Juglar, 1991.
- Myrdal G.* Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations. NY., 1968, Vol. I-III.
- Schultz T. W.* Investment in Human Capital. N.Y., 1971.